РУССКОЕ МІРОСОЗЕРЦАНІЕ

3.

ЗАДАЧИ и СТРЕМЛЕНІЯ

СЛАВЯНОФИЛЬСТВА.

Аѳ. ВАСИЛЬЕВА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Печатня М. П. С. (И. Н. Кушнерева съ тов-щи), Фонтанка, 117
1904.

Задачи и стремленія славянофильства.

«Не знаете какого вы духа».

Лук. IX, 55.

«И бездушныя вещи, издающія звукъ, свирѣль или гусли, если не производятъ раздѣльныхъ тоновъ, какъ разпознать то, что играютъ на свирѣли или гусляхъ?»

«И если труба будетъ издавать неопредѣленный звукъ, кто станетъ готовиться къ сраженію?»

«Такъ если и вы языкомъ произносите невразумительныя слова, то какъ узнаютъ, что вы говорите? Вы будете говорить на вѣтеръ».

Коринѳ. XIV, 7—9.

«Въ защиту народа.

Хочу вытѣснить инородцевъ, предводителей и ратниковъ, а поднимаю всѣхъ Днѣпрянъ, Поляковъ, Литовцевъ, Сербовъ и кто только есть Славянскаго рода воинственный мужъ, и кто только хочетъ за одно ратовать со мною».

Юрій Крижаничъ.

«Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!»

А. С. Хомяковъ.

«. . . Мы — родные братья,
Дѣти матери одной,
Братьямъ — братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой...
Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ его любовь!

Пронесется мракъ ненастный
И ожиданный давно
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за одно:
Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ — побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной!»

А. С. Хомяковъ.

«Россія не всегда бываетъ на высотѣ своихъ народныхъ задачъ вообще и своего славянскаго призванія въ частности — потому, что она и внутри, какъ и извнѣ, одолѣвается чужими вліяніями. Мы не хозяева въ своемъ родномъ дому. Чужеродецъ у насъ все, и его рука вездѣ. Мы—орудіе его политики, жертвы его игры, рабы его силы. Онъ своими безчисленными и пагубными вліяніями до того насъ опуталъ и подчинилъ, что если мы избавимся отъ него, а это, я надѣюсь, наконецъ, будетъ, то — не иначе, какъ вооруженною рукою!.. Этого чужеродца, этого пришлеца, этого лукаваго и опаснаго врага всѣмъ русскимъ и всѣмъ славянамъ — вы знаете, это — нѣмецъ! И борьба между нѣмцами и славянами неизбѣжна и близка. Она будетъ продолжительна, кровава и страшна, но я вѣрую, что она завершится побѣдою Славянства.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Въ ряду существующихъ въ нашемъ Отечествѣ обществъ съ нравственно-полезными цѣлями — благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и ученыхъ— Славянскимъ благотворительнымъ обществамъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію,—по высотѣ, широтѣ, разносторонности и исторической важности ихъ задачъ— одно изъ первыхъ мѣстъ.

Но, чтобы быть на высотѣ своихъ задачъ, чтобы достойно служить своему высокому призванію, Славянскія общества и

отдѣльные ихъ члены должны въ своей дѣятельности исходить изъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ, незыблемыхъ для нихъ нравственныхъ началъ и постоянно имѣть въ виду нѣкоторыя ясно сознанныя, твердо установленныя жизненныя цѣли.

Въ противномъ случаѣ, безъ руководящихъ началъ и цѣлей, мы, вмѣсто того, чтобы сознательно и дружно двигать общее дѣло по прямому историческому пути, сами собьемся въ стороны и потянемъ розно, и тѣхъ, кто ждетъ отъ насъ ободренія и руководства, будемъ только обезнадеживать и сбивать съ толку. Такимъ образомъ, вмѣсто чаемой нами и отъ насъ пользы славянскому дѣлу, дѣлу славянскаго братства и свободы, причинится ему сугубый вредъ.

Со времени возникновенія въ Россіи старѣйшаго изъ Славянскихъ обществъ—блаженной памяти закрытаго въ 1878 г. Московскаго Славянскаго комитета, отдѣлами котораго были первоначально Петербургское и Кіевское Славянскія общества, прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ; между тѣмъ, несмотря на изрядное количество печатныхъ изданій Славянскихъ обществъ, на множество устроенныхъ ими многолюдныхъ собраній съ торжественными въ нихъ заявленіями и рѣчами, несмотря, наконецъ, на широкую и громкую дѣятельность этихъ обществъ въ знаменитое трехлѣтіе 1875—1878 гг.,—и теперь еще есть многое множество русскихъ образованныхъ людей, для которыхъ смыслъ существованія Славянскихъ обществъ въ Россіи остается темною загадкой, и которые къ нимъ совершенно безучастны. Вслѣдствіе этого наши Славянскія общества скудны людьми и средствами и обладаютъ лишь малою долей того вліянія, какое должно было бы имъ принадлежать по сознанію не только друзей славянскаго дѣла, но и его недруговъ. И въ другихъ славянскихъ земляхъ есть писатели и политическіе дѣятели, понимающіе и толкующіе тѣ задачи, которымъ призваны служить Славянскія общества, вкривь и вкось и относящіеся къ этимъ обществамъ и вообще къ русскому славянофильству недовѣрчиво и недоброхотно.

Такое неестественное положеніе дѣла, такое несоотвѣтствіе средствъ Славянскихъ обществъ съ ихъ исполинскою и святою задачей происходятъ не отъ того, конечно, чтобы эта задача была Русскимъ и другимъ Славянамъ не по плечу или вообще была чужда русскому и инославянскому сознанію и чувству. Напротивъ того, основныя начала и положенія Славянофильства вошли уже въ плоть и кровь огромнаго большинства русскихъ людей и присущи если не сознанію, то чувству всѣхъ славянъ, не отрекшихся отъ своего славянскаго рода и имени. Но при этомъ труды вдохновенныхъ основоположни-

ковъ русскаго славянофильства: А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, Ю. Ѳ. Самарина и другихъ присныхъ имъ по духу ихъ современниковъ, такъ же какъ благословенный трудъ достойнаго продолжателя ихъ дѣла Н. Я. Данилевскаго, все еще слишкомъ мало распространены и извѣстны въ русскомъ обществѣ по сравненію съ сочиненіями многочисленныхъ литературныхъ противниковъ славянофильства, дающихъ о немъ совершенно извращенное понятіе. И вотъ люди, которымъ отъ юности ихъ внушено нерасположеніе къ славянофильству, не легко отказываются отъ своего предубѣжденія въ отношеніи его, даже и тогда, когда сами питаются унаслѣдованными отъ него же дарами*). Чураясь славянофильскаго имени, эти люди сторонятся и отъ Славянскихъ обществъ, въ которыхъ они видятъ воплощеніе нелюбезнаго имъ направленія. Но съ другой стороны есть люди, которые искренно преданы славянскому дѣлу и съ уваженіемъ относятся къ прежнему славянофильству, но порицаютъ Славянскія общества и сторонятся отъ нихъ за уклоненіе ихъ отъ духа и смысла этого направленія. И этотъ упрекъ не лишенъ извѣстнаго основанія: нѣкоторыя изъ заявленій, сдѣланныхъ въ собраніяхъ здѣшняго Славянскаго общества, такъ же, какъ содержаніе нѣкоторыхъ статей, напечатанныхъ въ его изданіяхъ, даютъ поводъ утверждать, что славянофильство уклонилось съ первоначальнаго своего пути, что оно выродилось, измалодушествовалось, что оскудѣла въ немъ та живая вѣра, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы отнята у него и та «мысли ясной благодать», которыми такъ сильно и славно оно было прежде.

Итакъ, причина слабой жизнедѣятельности нашихъ Славянскихъ обществъ—не только во внѣшнихъ неблагопріятствующихъ имъ условіяхъ, но отчасти и въ нихъ самихъ. Все это обязываетъ насъ, славянофиловъ и членовъ Славянскаго общества, если только мы не мертвые его члены, и не всуе носимъ это званіе, — размѣняться между собою взглядами, столковаться относительно тѣхъ общихъ началъ, которыхъ слѣдуетъ всѣмъ намъ держаться, чтобы быть дѣйствительно обществомъ, т. е. живымъ, цѣлостнымъ и дѣятельнымъ организмомъ, а не случайнымъ и мертвеннымъ скопищемъ. Мы должны установить для себя и выяснить другимъ основаніе нашей дѣятельности, конечную ея цѣль и тѣ главныя задачи, которыя предстоитъ рѣшить для того, чтобы рано или поздно придти, наконецъ, къ этой цѣли.

---

*) Примѣромъ можетъ служить Влад. Серг. Соловьевъ.

Излагая задачи и стремленія славянофильства, которыя, по нашему мнѣнію, должны быть усвоены не только всѣми членами Славянскихъ обществъ, но и вообще всѣми русскими людьми, мы должны будемъ постоянно останавливаться на статьѣ «Славянское обозрѣніе» А. Кирѣева, напечатанной въ 1883 году въ первой книжкѣ «Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества» *). Это необходимо потому, что упомянутое «Обозрѣніе» представляетъ собою единственное пока исповѣданіе славянофильства, т. е. сжатое изложеніе его началъ, сдѣланное отъ лица Славянскихъ обществъ. Составитель «Обозрѣнія» «предугадывалъ», что «исповѣдь» его встрѣтитъ не мало возраженій не только въ предѣлахъ Россіи, но и за границей, и заявилъ свою готовность къ отвѣту. Но на этотъ вызовъ отвѣта ни въ «Извѣстіяхъ Славянскаго общества», ни въ другихъ органахъ русской печати, съ русскимъ и славянскимъ направленіемъ, доселѣ не дано, вслѣдствіе чего исповѣданныя г. Кирѣевымъ мнѣнія о русскомъ славянофильствѣ или панславизмѣ могутъ быть вмѣняемы и дѣйствительно вмѣняются не только Славянскому обществу, въ «Извѣстіяхъ» котораго это исповѣданіе появилось, но и русскому славянофильству вообще. А между тѣмъ, славянофильство и Славянскія общества могутъ признать это исповѣданіе своимъ не иначе, какъ съ существенными поправками и оговорками, ибо много ошибочнаго и превратнаго о славянофильствѣ разсѣвалось и разсѣвается его недоброжелателями, но исповѣдники славянофильства и его друзья никогда еще не выставляли его въ такомъ приниженномъ и непривлекательномъ видѣ, въ какомъ оно явилось въ статьѣ г. Кирѣева. Итакъ, возраженія на эту статью необходимы, и во избѣжаніе соблазна, они должны исходить именно изъ среды самого Славянскаго общества.

«Исповѣдь панславизма»—такъ самъ г. Кирѣевъ называетъ свою статью — говоритъ о трехъ предметахъ: о церковномъ идеалѣ Русскаго народа, о государственномъ его идеалѣ и собственно о панславизмѣ, т. е. о славянскомъ вопросѣ и отношеніяхъ нашихъ къ западнымъ сосѣдямъ, преимущественно нѣмцамъ. Разсмотримъ и мы послѣдовательно тѣ же предметы.

---

*) Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. № 1. Октябрь 1883 г.

I.

Идеалы, «которымъ служило и будетъ служить Славянское общество», говорится въ самомъ началѣ «исповѣди», — «это тѣ же самые, передъ которыми преклоняется и Русскій народъ: Православіе, понимаемое какъ сумма этическихъ взглядовъ народа, самодержавіе, какъ выраженіе его взглядовъ политическихъ, и то и другое неразрывно и органически связанное съ русскою народностію, которая имъ служитъ сферою дѣйствія и которой они служатъ высочайшимъ выраженіемъ. Имъ искони вѣрила Россія, ими она жила и «стояла», ими же она будетъ стоять и впредь!»

Въ первыхъ же выписанныхъ нами словахъ обнаруживается неправильное пониманіе того предмета, которому самъ сочинитель отводитъ первое по важности мѣсто: «Православіе, понимаемое какъ сумма этическихъ взглядовъ народа... неразрывно и органически связанное съ русскою народностію, которая ему служитъ сферою дѣйствія и которой оно служитъ высочайшимъ выраженіемъ»... Такъ говорится въ «исповѣди» о Православіи!

Между тѣмъ, Православіе понималось и понимается доселѣ его исповѣдниками, какъ богооткровенная истина, а не сумма этическихъ взглядовъ какого бы то ни было народа; оно не связано неразрывно съ какою-либо народностію: народы могутъ пріобщаться ему, но воплощаютъ его въ себѣ только отчасти; Православіе не есть выраженіе (хотя-бы-то и высочайшее) какой-либо народности: оно выше и шире, святѣе и чище всякой народности; оно, какъ самъ его Основатель-Христосъ, — божественно и всечеловѣчно. Только передъ такимъ идеаломъ Православія, богооткровеннаго и вѣчнаго, «преклоняется» Русскій народъ; своими же собственными «этическими» взглядами русскіе люди хотя и водятся въ жизни, но считаютъ ихъ небезошибочными и преходящими и не кланяются имъ!

Далѣе въ «исповѣди» говорится о Православіи въ отличіе его отъ католичества и протестанства, что, по понятіямъ православнаго русскаго человѣка, «авторитетъ церковный коренится въ постановленіяхъ Вселенскихъ Соборовъ, утверждающихъ существующую вѣру Православнаго Міра».

Напрасно вмѣняется въ этихъ словахъ православному русскому человѣку ошибочное понятіе объ источникѣ церковнаго авторитета! Постановленія Вселенскихъ Соборовъ авторитетны въ Церкви, это безспорно; но неправильна мысль, будто въ этихъ постановленіяхъ *коренится* церковный авторитетъ. Вселенскіе Соборы въ своихъ дѣяніяхъ и приговорахъ основыва-

лись сами на авторитетѣ Откровеннаго слова Божія и Апостольскаго преданія, слѣдовательно: не въ постановленіяхъ Соборовъ, а въ Писаніи и Преданіи коренится церковный авторитетъ! Вселенскіе Соборы суть только органы Церкви, въ постановленіяхъ которыхъ раскрывается сообразно нуждамъ времени церковная истина и проявляется церковный авторитетъ; полнотою же Авторитета и Истины обладаетъ лишь Вселенская Церковь, т. е.,—весь Церковный Народъ, сущій и грядущій, съ Іерархіею и Христомъ во главѣ!

«Посредствомъ Вселенскихъ Соборовъ», идетъ далѣе въ «исповѣди», народъ хотя и косвенно участвуетъ въ установленіи догмата и въ самомъ управленіи Церковью. Этимъ путемъ достигается двоякая цѣль: авторитетъ Церкви остается неприкосновеннымъ, безусловнымъ, но міряниНъ участвуетъ въ самой ея жизни, чувствуетъ себя дѣйствительнымъ, живымъ членомъ Церкви!»

Итакъ, по словамъ «исповѣди», въ Православной Церкви народъ, міряне, участвуетъ въ установленіи догмата и въ самомъ управленіи Церковью, участвуетъ черезъ посредство Вселенскихъ Соборовъ!...

Непосредственно за приведенными словами въ «исповѣди» говорится:

«Такая и исключительно такая Церковь *) служитъ опорою и для самого Государства; такая Церковь никогда не можетъ стать во враждебныя къ нему отношенія, развѣ само Государство подыметъ на нее святотатственную руку и вынудитъ Церковь къ самозащитѣ». Слѣдомъ же за этимъ утверждается, что «у насъ отношенія между Церковью и Государствомъ не должны и не могутъ быть враждебны, для этого нѣтъ логическаго повода», что такой поводъ нужно сочинить, о чемъ хлопочутъ нѣкоторые представители либеральнаго лагеря, что русскій человѣкъ болѣе, «первѣе» сынъ Православной Церкви, нежели гражданинъ «Россійскаго Государства», онъ, православный, а потомъ уже русскій, и что, наконецъ, «отдѣлить Церковь отъ Русскаго народа, представить его себѣ «обезвѣреннымъ», почерпающимъ свои этическіе, политическіе и общественные идеалы изъ какого-нибудь курса «Гражданской морали», просто невозможно».

Изъ всего этого выходитъ такъ, будто бы Православная Церковь вообще и въ настоящее время у насъ, въ Россіи, *управляется* Вселенскими Соборами, что въ этомъ управленіи участвуетъ нашъ народъ, и что положеніе Православія въ нашемъ Отечествѣ и церковное состояніе нашего Народа обстоятъ вполнѣ благополучно.

Общеизвѣстно, однако же, что все это не такъ, и, слѣдо-

---

*) Т. е. надо думать такая Церковь, въ управленіи которою черезъ Соборы участвуетъ народъ. *Авт. В.*

вательно, изложенныя въ «исповѣди» мнѣнія о церковномъ строѣ и о положеніи у насъ въ Россіи церковнаго дѣла—не вѣрны.

Вселенскіе Соборы Церковью не управляли и не управляютъ; они собирались рѣдко, по требованію исключительныхъ обстоятельствъ, и со времени послѣдняго изъ нихъ протекло уже болѣе 1000 лѣтъ; слѣдовательно, и народъ чрезъ ихъ посредство въ управленіи Церковью, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, ни прямо, ни косвенно не участвуетъ. На Вселенскіе Соборы собирались отцы, т. е. предстоятели Церкви—епископы, со всего Православнаго Міра—для разрѣшенія несогласій, возникавшихъ въ Церкви, и для точнѣйшаго опредѣленія и утвержденія догмата, и, надо надѣяться, вновь соберутся для разрѣшенія многихъ накопившихся несогласій и назрѣвшихъ вопросовъ. Какъ выразители сознанія Вселенской Церкви, Вселенскіе Соборы властны разрѣшать и вопросы управленія и благочинія церковнаго; но они—явленіе исключительное, законоуставное, а не постоянное правительственное. Общаго и постояннаго правительства для всей Вселенской Церкви нѣтъ; въ частныхъ же церквахъ, составляющихъ Вселенскую Церковь, — церквахъ помѣстныхъ, высшая мѣродательная правительственная власть, по канонамъ, дѣйствительно, принадлежитъ Соборамъ—мѣстнымъ или областнымъ. Собраніе епископовъ церковной области на мѣстный соборъ обязательно, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ. Вотъ что опредѣляетъ по этому предмету 6-е правило Седьмаго Вселенскаго Собора: «Поелику есть правило, которое глаголетъ: дважды въ году въ каждой области подобаетъ быти каноническимъ изслѣдованіямъ, посредствомъ собранія епископовъ; а преподобные отцы Шестаго собора, во вниманіе къ затрудненіямъ собирающихся и къ недостаткамъ потребнаго для путешествія, опредѣлили, безъ всякаго уклоненія и извиненія, единожды въ лѣто быти собору, и погрѣшительное исправляти: то и мы сіе правило возобновляемъ, и аще обрящется нѣкій начальникъ, возбраняющій сіе, да будетъ онъ отлученъ. Аще же кто изъ митрополитовъ пренебрежетъ исполнити сіе, не по нуждѣ и насилію, и не по какой-либо уважительной причинѣ: таковый да подлежитъ епитеміи по правиламъ».

Соборнымъ управленіемъ и нѣкоторою свободою дѣйствій пользуются Православныя Церкви въ другихъ странахъ, въ странахъ съ иновѣрческими и инославными правительствами. Наша же Русская Церковь уже давно лишена соборности управленія и свободы ученія и дѣйствій; со временъ Петровской ломки оскудѣло въ ней соборное начало и приведенное

вселенское правило о соборахъ не блюдется; наша іерархія принижена и нѣмотствуетъ или, что еще хуже, — говоритъ лицепріятно. Ея вліянію на народную жизнь поставлены слишкомъ тѣсные предѣлы. И горькою ироніею отзываются въ сердцѣ искренняго русскаго человѣка приведенныя выше увѣренія, будто у насъ отношенія между Церковью и государствомъ не могутъ быть враждебны, такъ какъ для этого нѣтъ логическаго повода. Со временъ Петра, который самъ издѣвался надъ церковной іерархіей и кощунствовалъ надъ таинствами, устраивая «всешутѣйшіе и всепьянѣйшіе соборы» и шествія и дурацкія свадьбы,—мало ли наша «господствующая», якобы, Церковь понесла униженій и обидъ! Церковь наша давно вызывается къ самозащитѣ, а вражда къ ней быть можетъ логическаго повода и не имѣетъ, но вѣдь вражда всего рѣже руководится логикою! Нарушеніе каноновъ, выражающееся въ пренебреженіи къ соборному началу, и обусловленные этимъ приниженность, безмолвіе и неустройство Русской Православной Церкви— суть между прочимъ причина того горькаго и грознаго явленія, что народъ нашъ уходитъ изъ Православія во всевозможные толки и секты или и совсѣмъ обезвѣривается; такъ что въ настоящее время у насъ слова «православный» и «русскій» уже далеко не тожественны одно другому. Стѣсненное положеніе нашего церковнаго правительства препятствуетъ живому общенію его съ іерархіями другихъ Православныхъ Церквей, и не это ли обстоятельство лишало не разъ нашу Церковь силы— устранить и умиротворить мятежи и расколы у себя дома и въ братскихъ ей Церквахъ?

Церковь наша должна вернуться къ прежнему, каноническому, допетровскому строю! Возстановленіе патріаршества, обращеніе къ соборному началу, возобновленіе дѣятельнаго и живаго общенія съ другими Православными Церквами оживятъ и одухотворятъ и нашу церковную жизнь, исцѣлятъ многія наши общественныя язвы и, быть можетъ, возстановятъ духовную цѣлость Русскаго народа и всего Православнаго Востока!

II.

О политическомъ идеалѣ Русскаго народа—самодержавіи въ «исповѣди» панславизма говорится столь же сбивчиво и неопредѣленно, какъ и о Церкви. Между тѣмъ, важность обсуждаемаго предмета требуетъ точнаго и яснаго выраженія мысли; иначе вмѣсто уясненія идеаловъ и задачъ легко произвести еще большую путаницу понятій и отношеній, которыя у насъ и безъ того перепутаны донельзя.

«По нашему глубокому убѣжденію, говоритъ сочинитель «исповѣди»: Самодержавіе, неразрывно связанное съ Православіемъ, твердо вѣрящее въ себя, не боящееся лежащей на немъ тяжелой отвѣтственности, угадывающее стремленія и нравственныя потребности своего народа и ведущее его къ тѣмъ идеаламъ, которымъ онъ вѣритъ, конечно, наилучшая изъ всѣхъ формъ правительства (по крайней мѣрѣ для Россіи)».

Но вѣдь то же самое одинаково можно было бы сказать и о всякой другой политической власти, съ тѣмъ, впрочемъ, измѣненіемъ, что власти нужно *знать* потребности и стремленія народа, а не угадывать только ихъ!

Заявивъ далѣе отъ своего лица и отъ лица народа, что всякое умаленіе самодержавной власти было бы великимъ бѣдствіемъ, сочинитель выражаетъ желаніе, чтобы самодержавная власть, «подобно миѳическому герою Антею», искала усиленія и дѣйствительно усиливалась бы отъ непосредственнаго соприкосновенія съ Русскою землею и народомъ.

Въ чемъ именно должны заключаться эти «соприкосновенія», остается темнымъ, такъ какъ вслѣдъ за этимъ пожеланіемъ, обращеніе власти къ народу за совѣтомъ допускается съ различными оговорками: «въ исключительныхъ обстотельствахъ», «если бы власть сочла умѣстнымъ посовѣтоваться съ своимъ народомъ»; при этомъ выражаются опасенія, чтобы при такихъ обращеніяхъ не произошло умаленія власти, «абдикаціи» ея отъ какихъ-либо правъ и обязанностей въ пользу чью бы то ни было.

«Такое самовольное отреченіе», говоритъ г. Кирѣевъ, «было бы преступленіемъ гораздо болѣе тяжкимъ, *нежели принятіе ею даже самыхъ деспотическихъ мѣръ*. Русскій народъ не ищетъ и не желаетъ никакого иного государственнаго устройства, никакого новаго правоваго порядка, кромѣ нынѣ существующаго, и желаетъ лишь одного, чтобы Царю его были дѣйствительно извѣстны его нужды и желанія, чтобы онъ имѣлъ возможность доводить о нихъ до свѣдѣнія своего Государя-Отца».

Что народъ нашъ не хочетъ «умаленія» власти Государя и желаетъ, чтобы его нужды были извѣстны Государю,—это конечно, не подлежитъ спору. Но несправедливо мнѣніе о Русскомъ народѣ, будто бы онъ «не желаетъ никакого новаго правоваго порядка, кромѣ нынѣ существующаго». Открещиваясь съ чужаго голоса отъ правоваго порядка, г. Кирѣевъ, какъ видно, считаетъ этотъ порядокъ исключительною принадлежностью только нѣкоторыхъ, немилыхъ ему, а именно, конституціонныхъ правительственныхъ формъ. Между тѣмъ, по прямому смыслу словъ, «правовой порядокъ» есть не что иное, какъ царство закона, къ установленію котораго обязано стремиться каждое государство, безъ различія политическихъ формъ. Государство по самой своей идеѣ есть явленіе правоваго порядка,—правовое, а потому воевать въ какомъ бы то ни было государствѣ съ правовымъ порядкомъ могутъ только злонамѣренность или неразуміе, ибо это значитъ—воевать именно съ государствомъ, возставать на самую его сущность!

Изъ того, что Русскій народъ возлагаетъ свои надежды на самодержавнаго Государя, вовсе не слѣдуетъ, чтобы этотъ народъ не тяготился своимъ безправіемъ и всяческимъ надъ нимъ самоуправствомъ; чтобы онъ не замѣчалъ и не сознавалъ господствующаго надъ нимъ безпорядка вещей, которымъ терзается и растлѣвается его родная земля, и—чтобы онъ не желалъ для себя и для нея выхода изъ этого положенія—въ устраненіи произвола и установленіи твердаго, правоваго порядка, при которомъ голосъ народа доходилъ бы безпрепятственно до слуха Царя, и обратно—велѣнія царскія не утрачивали своей силы на пути къ народу. Народъ не желаетъ, чтобы царская власть передала часть своихъ правъ и обязанностей въ руки какихъ-либо партій; но онъ не желаетъ этого именно потому, что онъ видитъ и чтитъ въ своемъ Царѣ не суроваго и неразборчиваго въ средствахъ деспота, какими зачастую бываютъ вожаки и главы политическихъ партій, а заботливаго о своихъ дѣтяхъ, справедливаго и милостиваго къ нимъ отца. И никто не осуждалъ такъ деспотизма во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, какъ истинное славянофильство, которое въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ всегда стремилось быть и было вѣрнымъ выразителемъ народнаго духа. Взглядъ славянофиловъ на царя-деспота достаточно ярко выраженъ отцомъ славянофильства А. С. Хомяковымъ въ образѣ библейскаго царя Навуходоносора, и славянофильству всегда будетъ чужда мысль,—какими бы ни была она обставлена ограниченіями и оговорками,—что деспотизмъ можетъ, когда бы то ни было и

при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, быть полезенъ государству или Государю.

Русскій народъ, олицетворяя въ образѣ православнаго самодержавнаго Царя всю свою народную мощь, придаетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленный нравственный обликъ, надѣляетъ его, кромѣ вещественной силы, и опредѣленными нравственными качествами, безъ которыхъ онъ своего Царя и не мыслитъ. Славянофильство, оставаясь въ этомъ отношеніи вѣрнымъ народу, идеалъ царскаго самодержавія представляетъ себѣ такъ:

Родной народу по крови и духу, православный русскій Государь, неограниченный въ своей дѣятельности какими-либо формальными условіями, но въ согласіи съ свободнымъ и сознательно участвующимъ въ дѣлѣ государственнаго строенія народомъ свободно располагающій всѣми государственными силами; правящій по внушеніямъ своей личной совѣсти сообразно духу Православія, свѣтлымъ преданіямъ исторіи и желаніямъ народа; почтительный къ Церкви, высоко несущій чародное имя, грозно стерегущій народное достояніе и честь; съ чужими осторожный, своимъ соотечественникамъ всегда доступный, уважающій ихъ достоинство и мысль, чуткій къ ихъ нуждамъ и желаніямъ, о рѣшительныхъ для государства и народа дѣлахъ совѣтующійся съ Церковью и Народомъ: таковъ идеалъ самодержавнаго Государя въ сердцахъ Русскаго народа и въ умахъ истинныхъ представителей славянофильства.

Такое самодержавіе Государя не только можетъ и должно уживаться съ церковною и гражданскою свободою народа и съ самымъ широкимъ и полнымъ его самоуправленіемъ; но безъ такой свободы и самоуправленія, по мнѣнію славянофильства, истинное самодержавіе и невозможно.

Безъ свободы слова и печати, безъ дѣйствительной свободы самоуправленія народа и Церкви, безъ свободы совѣщанія о мѣстныхъ и общегосударственныхъ нуждахъ и дѣлахъ по всему государству и въ его сердцѣ около престола, безъ совѣта и благословенія пастырскаго-церковнаго, не можетъ быть дѣйствительнаго знанія государственныхъ и народныхъ пользъ и нуждъ ни для страны, ни для Государя, ни полезнаго ихъ взаимодѣйствія и успѣшной дѣятельности: безъ этихъ условій народная мысль и воля въ рѣдкихъ и рѣдкихъ случаяхъ дойдутъ неискаженными до Государя, и Государь, лишенный возможности знать дѣйствительныя нужды и желанія Земли, можетъ ихъ развѣ только угадывать и, дѣйствуя на угадъ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, можетъ ошибаться, а если рѣ-

шеніе его будетъ и безошибочно, то онъ лишенъ возможности провести свою волю неискаженною въ народъ. Безъ этихъ условій, самодержавный по имени, Государь перестаетъ быть дѣйствительнымъ самодержцемъ, и авторитетомъ его имени порою святотатственно прикрываются и узаконяются безоглядное хищничество и вопіющій произволъ.

Честолюбцы и хищники, надѣвая на себя личину особеннаго оффиціальнаго благочестія и казеннаго патріотизма, посредствомъ наушничества и продажной печати стараются внушить и утвердить ту ложную мысль, что, будто бы, для народнаго благочестія и полноты царской власти необходимы административный и сословный произволъ, нѣмота и безправіе народа. Но эти мнимые «охранители» Церкви и престола подкапываются подъ нихъ хуже анархистовъ. Ибо ничто не подрываетъ такъ въ народѣ уваженія къ Церкви и религіознаго чувства, какъ кощунственно-набожныя рѣчи разныхъ содомитовъ и ханжей и притязанія ихъ покровительствовать Церкви, и ничто не въ состояніи такъ уронить обаяніе власти, какъ постоянное противоположеніе ея людьми, объявляющими себя особенно ревностными ея защитниками и слугами, всему тому, что дорого каждому, неутратившему своего достоинства человѣку: личной безопасности, гражданскому равенству, самоуправленію и независимому отъ административнаго давленія суду.

Истинное славянофильство никогда не было глашатаемъ и проводникомъ ни идей такъ называемаго «просвѣщеннаго абсолютизма», ни новѣйшей теоріи абсолютизма, свободнаго даже и отъ просвѣщенія. Славянофильство никогда не было сторонникомъ и защитникомъ переносившихся къ намъ изчужи понятій и порядковъ противоположившаго себя народу полицейскаго и солдатскаго государства. По убѣжденію славянофильства, для правильнаго, благополучнаго и прочнаго существованія государства и народа необходимо ладное и стройное сочетаніе свободной въ своихъ рѣшеніяхъ государевой власти съ земскимъ самоуправленіемъ, народною и личною свободой. Этотъ свой государственный идеалъ славянофильство не измыслило, а взяло его изъ дѣйствительной жизни — изъ нашей отечественной исторіи. Владиміръ Мономахъ-князь и Михаилъ Романовъ-царь одинаково уважали земское, соборное начало, и ихъ власть и достоинство, также какъ польза народная отъ того не страдали. Заимствованные же изъ-чужи понятія и порядки стали тою искусственною преградою, тѣмъ «средостѣніемъ» между властью и народомъ, которыя справедливо считаются главнѣй-

шею причиною всѣхъ нашихъ государственныхъ и народныхъ бѣдъ и злоключеній.

Великій народъ, на которомъ Творецъ явилъ всю Свою благость и щедроту, надѣливъ его красотою и силою тѣла и духа; народъ трудолюбивый, воспріимчивый и способный ко всякому искусству и труду, народъ съ свѣтлымъ разумомъ и здравымъ общественнымъ и государственнымъ смысломъ, народъ самоотверженный, охотно отдающій общему дѣлу свое послѣднее достояніе и кровь; народъ жаждущій истины и подвига; народъ христіанскій во всемъ великомъ значеніи этого слова; наконецъ, народъ владѣющій обширнѣйшею въ мірѣ страной, съ золотыми нѣдрами, текущею молокомъ и медомъ: такой ли народъ не достоинъ свободы и счастья и не располагаетъ всѣми условіями и средствами, чтобы быть свободнымъ и счастливымъ? Но счастье не далось еще Русскому народу! Питая и одѣвая тукомъ родной земли и своимъ до кроваваго пота трудомъ безчисленное множество чужихъ, онъ самъ голоденъ и нагъ, — до того, что начинаетъ мельчать и вырождаться. Освобождая своимъ достояніемъ и кровью иноплеменниковъ и покровительствуя созиданію политическаго могущества своихъ враговъ, онъ самъ политически униженъ, разорванъ на части, видитъ угнетеніе и истребленіе своихъ кровныхъ братьевъ и расхищеніе иноплеменниками своей родной земли и всѣхъ ея богатствъ; онъ терпитъ поруганіе, обирается и оскорбляется въ своемъ собственномъ дому, оскорбляется въ своемъ человѣческомъ и народномъ достоинствѣ и въ своемъ религіозномъ чувствѣ.

Выходъ изъ такого положенія для Русскаго народа и возрожденіе Русскаго государства необходимы и возможны, но зло должно быть всецѣло устранено, ибо не вливаютъ новаго вина въ старые мѣха и ветхаго платья не обновляютъ небѣленными заплатами.

Переживаемыя нами обстоятельства одинаково несносны для правительства, какъ и для общества. Но тщетно стараются избыть бѣду неразборчивою жестокостью, усиленіемъ полицій всѣхъ видовъ и названій, развитіемъ въ государствѣ соглядатайства и доноса, стѣсненіемъ общественности и самодѣятельности, запретомъ искренняго устнаго и печатнаго слова: что породило болѣзнь, тѣмъ самымъ нельзя ее вылѣчить! Нельзя вѣчно держать Россію въ осадномъ положеніи и весь народъ подъ полицейскимъ надзоромъ! Подобное отношеніе власти къ подвластнымъ ни къ чему хорошему не приведетъ и, чѣмъ дольше оно продлится, тѣмъ хуже для нея кончится. Толпы

поздравительныхъ безголосыхъ депутацій и вороха адресовъ, прошедшихъ министерскую цензуру, такъ же, какъ уличныя иллюминаціи и клики въ сущности очень мало значатъ и говорятъ; было бы большою ошибкою принимать ихъ за дѣйствительное и полное выраженіе преобладающаго настроенія не только всего народа, но даже и тѣхъ, отъ кого они непосредственно исходятъ. Отъ подобнаго рода «соприкосновеній съ землей» напрасно было бы ожидать какихъ-либо существенно-полезныхъ послѣдствій.

Извѣрились русскіе люди и во всякія чиновничьи комиссіи, и не этимъ комиссіямъ, хотя бы то и съ помощью такъ называемыхъ «свѣдущихъ людей», обновить русскую жизнь и настроить на ладъ разстроенную государственную машину.

Всѣ просвѣщенные русскіе люди, къ какимъ бы направленіямъ они себя ни причисляли, думающіе о благѣ своего Отечества, а не о корысти на его счетъ, сходятся въ одной мысли и въ одномъ желаніи, и предметъ этой общей мысли и завѣтнаго желанія — это возстановленіе въ русской жизни и послѣдовательное проведеніе въ ней съ самаго низу, отъ общины-міра и отъ всесословной земской ячейки — прихода, и до верху, — великаго земскаго соборнаго начала! По непреложному свидѣтельству отечественной исторіи, основаніемъ и источникомъ царскаго самодержавія Дома Романовыхъ была народная воля и соборное избраніе; соборы же земскихъ выборныхъ людей были дѣятельными и могущественными помощниками первыхъ государей этого Дома—Михаила, Алексѣя и Ѳеодора въ дѣлѣ государственнаго строенія, въ дѣлѣ возстановленія и скрѣпленія расшатанной и разоренной иноземными и домашними «ворами» государственности. Итакъ: земское соборное начало не только не противоположно государственности и царскому самодержавію, но оно именно было у насъ ихъ источникомъ и надежнѣйшею опорой, и это даетъ основаніе твердо вѣрить, что земскіе соборы снова будутъ на Руси. Забота о благѣ Отечества и самой предержащей власти должна внушать желаніе, чтобы первый изъ нихъ былъ созванъ во благовременіи.

Библиотека славянофильства

III.

Остается сказать о славянофильствѣ въ тѣсномъ значеніи этого слова, т. е. изложить сущность той стороны ученія славянофиловъ, той проповѣди ихъ любви къ Славянамъ, отъ которой они получили свое названіе.

Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію собственнаго нашего взгляда на славянофильство, мы, по объясненнымъ уже нами побужденіямъ, остановимся еще разъ на статьѣ г. Кирѣева, напечатанной въ «Извѣстіяхъ Спб. Славянскаго общества».

Г. Кирѣевъ заботливость нашихъ Славянскихъ обществъ и вообще русскихъ людей о другихъ славянахъ объясняетъ, какъ родственное сочувствіе наше къ племенамъ, народность которыхъ близка къ нашей. Сочувствіе это, по его мнѣнію, не идетъ далѣе участливаго отношенія къ ихъ бѣдственному положенію въ тѣхъ государствахъ, гдѣ господствуютъ надъ ними иноплеменники, и—желанія видѣть ихъ хотя бы подъ тою же иноплеменною властію, но уравненными въ гражданскихъ правахъ съ господствующимъ племенемъ. При этомъ сочинителемъ потрачено не мало стараній на то, чтобы оправдать славянофильство или панславизмъ отъ разнаго рода обвиненій: въ нигилизмѣ, въ анархическихъ стремленіяхъ, въ намѣреніи повергнуть весь свѣтъ въ ужасы нескончаемой войны, въ возбужденіи недоброжелательства могущественныхъ сосѣдей и въ возбужденіи среди русскихъ гражданъ чувства взаимнаго недовѣрія и даже вражды.

Одни изъ этихъ обвиненій явно нелѣпы, другія сознательно недобросовѣстны, поэтому старанія очистить отъ нихъ славянофильство и Славянское общество, особливо въ глазахъ тѣхъ, отъ кого эти обвиненія исходятъ,—по нашему мнѣнію,—работа совершенно лишняя и по самой своей задачѣ не заслуживающая вниманія. Но въ стараніяхъ своихъ доказать неповинность русскихъ панславистовъ въ разрушительныхъ стремленіяхъ и завоевательныхъ замыслахъ сочинитель хватаетъ черезъ край, вдается въ лишенныя всякаго чувства мѣры и сознанія собственнаго достоинства извиненія и сопоставленія и становится въ рѣзкое противорѣчіе не только съ духомъ и стремленіями славянофильства, но и съ самимъ собою.

Такъ, въ оправданіе русскаго сочувствія и помощи балканскимъ славянамъ—во время послѣдней ихъ борьбы съ турками, г. Кирѣевъ приводитъ примѣры подобныхъ же сочувствій у другихъ народовъ и не гнушается при этомъ, въ извиненіе

наше, сослаться на сочувствіе венгровъ туркамъ и на побратимства пештскихъ студентовъ съ софтами. Желаніе разсѣять чьи-то назойливыя подозрѣнія,—что между славянофилами могутъ быть и либералы—понудило его написать слѣдующія непристойныя на нашъ взглядъ строки:

«Насъ упрекаютъ за то, что не всѣ добровольцы, попавшіе въ сербскую армію, шли защищать выставленные нами идеалы, не всѣ могли считаться представителями нашихъ убѣжденій, что между ними было нѣсколько человѣкъ сильно либеральнаго пошиба, совершенно неподходящихъ подъ нашъ цвѣтъ. Что же дѣлать! въ числѣ добровольцевъ можетъ быть и были нехорошіе люди; жаль, конечно, если не совсѣмъ чистыя руки прикоснулись къ святому дѣлу; но не замолкнутъ ли эти обвиненія при воспоминаніи о томъ, какъ эти самые люди, вмѣстѣ съ другими добровольцами, не торгуясь съ судьбою, отдавали за правое дѣло и кровь свою и самую жизнь!»

Желаніе согласить несогласимое,— примирить съ панславизмомъ австрійское и германское посольства и внутреннихъ нашихъ нѣмцевъ привело сочинителя къ слѣдующимъ противорѣчіямъ: Съ одной стороны онъ довольно рѣшительно заявляетъ,

что «у насъ да и вообще у славянъ на первомъ планѣ стоитъ не вопросъ о политической свободѣ гражданина, о разныхъ его правахъ, а забота о независимости государства отъ власти иноземца», что намъ, славянамъ, во сто разъ легче переносить дурного, но своего собственнаго, родного намъ по вѣрѣ и крови правителя, нежели чужестраннаго, хотя бы этотъ чуждый намъ правитель и подкупалъ насъ и матеріальными благами, и всякими наиновѣйшими вольностями», «что задачи государственныя не исчерпываются соображеніями финансоваго свойства» и «что покупать матеріальное благосостояніе цѣною отреченія отъ независимости нравственно невозможно, что такой торгъ считается у насъ подлостью, что такого торга не осмѣлится никто предложить бѣдному нѣмцу или англичанину, а славянину предлагаютъ да еще негодуютъ на него, когда онъ отказывается отъ этого торга».

Съ другой стороны, въ перемежку съ только-что приведенными нелишенными нѣкотораго значенія строками, идутъ такого рода успокоительныя для нашихъ недруговъ и для славянофила по меньшей мѣрѣ излишнія завѣренія:

Что принципъ національной свободы примѣнять безусловно нельзя; что хотя важность этого принципа признается даже его врагами, и современемъ значеніе его будетъ расти, но въ данную минуту мы, конечно, не считаемъ возможнымъ его немедленное примѣненіе въ особенности въ тѣхъ странахъ, гдѣ народъ начинаетъ терять свои національныя особенности и преимущественно тамъ, гдѣ онъ до нѣкоторой степени доволенъ условіями, въ которыя его поставила исторія. «Если-бы», говоритъ г. Кирѣевъ, «наши политическія теоріи требовали завоеванія Россіею всѣхъ славянскихъ земель (а въ такомъ именно видѣ онѣ и представляются публицистами запада), ежели бы конечная цѣль такъ называемаго панславизма была такая же организація Славянства, какая дана Прус-

сіею Германству, тогда въ немъ, конечно бы, можно было видѣть врага общественнаго спокойствія, но вѣдь надежды славянъ несравненно скромнѣе и миролюбивѣе». «Въ чемъ», спрашиваетъ г. Кирѣевъ, въ дѣйствительности состоятъ наши желанія, чаянія относительно славянъ, принадлежащихъ иноземнымъ владѣтелямъ? Лишь въ томъ, чтобы славяне пользовались одинаковыми правами **съ господствующимъ** племенемъ, чтобы ихъ не денаціонализировали, чтобы славянской народности была предоставлена полная возможность самостоятельнаго развитія, чтобы въ особенности славянамъ было дано право имѣть свои школы, безпрепятственно исповѣдывать имъ свою вѣру, устраиваться у себя дома, какъ имъ кажется лучшимъ, однимъ словомъ, чтобы къ нимъ было примѣняемо прекрасное правило «leben und leben lassen». «Если бы это случилось, Россія не имѣла бы никакого ни повода, ни желанія активно заботиться о своихъ славянскихъ братьяхъ, а эти бы не имѣли повода обращаться къ ней съ мольбой о помощи».

Отношенія Панславизма къ нашимъ западнымъ сосѣдямъ, Пруссіи и Австріи, по мнѣнію г. Кирѣева, таковы:

«Въ Германіи девять десятыхъ славянскаго народонаселенія принадлежатъ къ польскому племени; оно, правда, не любитъ нѣмцевъ, но, къ несчастію, оно не долюбливаетъ и насъ... Съ нашей стороны было бы неблагоразумно затѣвать ссору съ нашимъ старѣйшимъ и вѣрнымъ союзникомъ, единственнымъ, который не участвовалъ въ коалиціи противъ насъ во время Восточной войны 1854—56 гг. и въ предпринятой противъ насъ дипломатической кампаніи 1863 г., изъ-за того, чтобы отстаивать права племени, которое до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, относилось къ намъ враждебно всюду, гдѣ оно могло это дѣлать безнаказанно».

«Австро-Венгрія находится въ совершенно иномъ положеніи: большая половина ея народонаселенія (до 19 м.) Славяне, но это нисколько не даетъ ей повода опасаться Панславизма, Панславизмъ нисколько не безусловный врагъ Австріи, un ennemi quand même! Если къ этому государству Славяне вообще относятся враждебно, то, конечно, лишь потому, что въ его организаціи есть какой-нибудь недостатокъ, мѣшающій Славянамъ жить въ немъ также привольно, хорошо, какъ, напр., Венграмъ! «Недостатокъ этотъ, по мнѣнію г. Кирѣева, не неустранимъ, ибо заключается лишь въ ложномъ взглядѣ Австро-Венгерскаго правительства, не умѣющаго или не желающаго удовлетворить справедливыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скромныхъ требованій своихъ многочисленныхъ славянскихъ подданныхъ. Ежели бы такой, правда, трудный, но неневозможный переворотъ во мнѣніи Австро-Венгерскаго Правительства дѣйствительно случился, то, конечно, отношенія между Панславизмомъ и Австріею немедленно бы превратились изъ враждебныхъ въ дружественныя».

Чтобы очистить себя и славянофильство отъ подозрѣній въ возбужденіи въ народѣ непріязненныхъ чувствъ къ нашимъ внутреннимъ нѣмцамъ, г. Кирѣевъ съ умиленіемъ вспоминаетъ о нѣмецкихъ заслугахъ передъ Россіей:

«Мы знаемъ, восклицаетъ онъ, исторію» (знаніе знанію—рознь, замѣтимъ мы отъ себя: можно многое узнать и ничему не научиться!) «и умѣемъ цѣнить заслуги Остерманов, Миниховъ, Барклаевъ, Витгенштейновъ, Дибичей, Толей, Нессельроде и сотни другихъ менѣе знаменитыхъ,

но не менѣе добросовѣстно исполнявшихъ свой долгъ относительно общаго нашего отечества. Развѣ можемъ мы забыть заслуги славнаго защитника Севастополя и покорителя Плевны»? «А наука наша? развѣ мы не обязаны тѣми результатами, которыхъ мы достигли, въ значительной степени Германіи, Германцамъ? «Развѣ не они были нашими первыми учителями, развѣ имена Палласовъ, Шлецеровъ, Мюллеровъ, Эйлеровъ могутъ быть нами забыты? развѣ и до сихъ поръ не въ Германіи оканчиваютъ свое научное образованіе многіе изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ? Нѣтъ, не на насъ можетъ пасть такое обвиненіе».

Наконецъ, г. Кирѣевъ старается умѣрить надежды славянъ на Россію:

«Несбыточныхъ надеждъ, говоритъ онъ, мы не возбуждаемъ! Конечно, нѣкоторыя пылкія головы среди славянъ, недовольныя своей судьбой, можетъ быть не вполнѣ ясно понимаютъ, какими трудностями, какимъ злымъ недоброжелательствомъ обставлено, не говоримъ ихъ освобожденіе, но даже и улучшеніе ихъ настоящаго положенія: дѣйствительно, можетъ быть, кое-кто изъ Славянъ и преувеличиваетъ способность Россіи выручить ихъ изъ бѣды, однако, послѣдняя война доказала, что Россія не обманываетъ тѣхъ, которые на нее уповаютъ! Богъ дастъ не обмануся они и впредь.»

Въ приведенныхъ обширныхъ выдержкахъ содержаніе статьи г. Кирѣева передано, быть можетъ, даже съ излишнею подробностію; но намъ казалось это необходимымъ сдѣлать, чтобы отклонить отъ себя упрекъ въ невѣрной передачѣ его мнѣній. Мнѣнія же эти, какъ нами уже объяснено, заслуживаютъ вниманія и требуютъ опроверженія потому, что напечатаны въ „Извѣстіяхъ Славянскаго общества“, безъ всякихъ замѣчаній и оговорокъ со стороны бывшей редакціи «Извѣстій» и Совѣта общества, и, слѣдовательно, могутъ быть приняты и принимаются за мнѣнія самого общества или даже за мнѣнія современнаго славянофильства вообще. Авторская подпись не снимаетъ, по нашему мнѣнію, съ представителей общества отвѣтственности за содержаніе напечатанной въ Извѣстіяхъ статьи, предметъ которой не какіе-нибудь частные, а основные, принципіальные для общества вопросы. Но да незаподозрятъ въ насъ намѣренія повредить обществу. Напротивъ того, именно желаніе Славянскому обществу самаго широкаго вліянія и успѣха обязываетъ насъ остеречь руководителей его на будущее время отъ ошибокъ и недостаточно осмотрительныхъ заявленій, которыхъ не мало было сдѣлано въ прошломъ.

Воистину: что можетъ быть скромнѣе, дипломатичнѣе, казеннѣе приведенныхъ нами мнѣній и рѣчей г. Кирѣева о славянскомъ и о нашемъ собственномъ, внутреннемъ, русскомъ вопросѣ? Но вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ ли быть что-нибудь противнѣе духу и стремленіямъ Славянофильства, народному и, наконецъ, просто неизвращенному человѣческому сознанію и чувству? Это не мужественный призывъ къ свободѣ свобод-

наго въ душѣ человѣка, а робкій лепетъ свыкшагося съ своимъ положеніемъ раба!

Эта малодушная рѣчь, раздающаяся изъ среды Славянскаго общества, не способна укрѣпить въ угнетенныхъ нашихъ братьяхъ колеблющіеся вѣру и духъ, а можетъ развѣ отнять у нихъ всякую надежду избавленія, враговъ же малодушіе не умилостивитъ, а сдѣлаетъ только настойчивѣе и наглѣе. Никогда никакое дѣло въ исторіи не выигрывалось трусостью! и это необходимо помнить всякому, кто записывается въ ряды общественныхъ дѣятелей по преимуществу. Общественнымъ дѣятелемъ надо помнить, что Христосъ, отправляя учениковъ своихъ на общественное служеніе, не дипломатничать училъ ихъ, а открыто и безбоязненно исповѣдывать истину: «Что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ, и что на ухо слышите, проповѣдуйте на кровляхъ. И не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить». (Матѳ. X. 27, 28).

Во всякомъ общественномъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ чистомъ и правомъ, какъ славянское дѣло, всего достойнѣе и цѣлесообразнѣе слѣдовать этому наставленію Христа.

По мнѣнію истиннаго Славянофильства, отношенія наши къ другимъ славянамъ опредѣляются или, по крайней мѣрѣ, должны опредѣляться не сочувствіемъ только или несочувствіемъ къ ихъ судьбѣ и къ разнаго рода случайнымъ и преходящимъ явленіямъ ихъ жизни, а нашею братскою къ нимъ любовью. Эта любовь русскаго человѣка къ другимъ славянамъ, какъ всякое великое и святое дѣло, какъ всякая истина, есть дѣло въ высшей степени естественное и простое, доступное пониманію младенца. Но понятное искреннему младенцу рѣдко бываетъ понятно книжнику и фарисею, ибо для воспріятія и разумѣнія истины нужны здоровый неискалѣченный схоластикою умъ и дѣтски чистое, нелукавое сердце. Вотъ почему славянофильство, въ смыслѣ братской любви и участія къ славянамъ, легко воспринимается нашимъ народомъ и трудно прививается къ нѣкоторой, весьма значительной части нашего образованнаго общества, воспитанной на чужихъ идеалахъ.

Братская любовь обязываетъ насъ къ дѣятельному участію и помощи Славянамъ, и къ неволѣ ихъ и страданію мы, русскіе люди, безучастно относиться не можемъ и мириться съ этою неволею ни на минуту не должны, ибо любовь никакихъ ограниченій не допускаетъ и ни въ какія сдѣлки и

уступки за счетъ того, кого мы любимъ, не входитъ. Въ томъ или другомъ славянскомъ народѣ въ извѣстное время могутъ совершаться противныя нашему сознанію и чувству явленія: вслѣдствіе ихъ и нашихъ ошибокъ и хитрыхъ происковъ враговъ въ той или другой славянской странѣ, можетъ возобладать враждебное къ намъ настроеніе; но и въ такомъ случаѣ, не поступаясь въ отношеніи заблудшаго братскаго народа собственнымъ нашимъ народнымъ достоинствомъ и правами, при всемъ томъ мы не должны быть равнодушными къ его участи; не должны повертываться къ нему спиной и бросать его на произволъ судьбы, въ добычу иноплеменникамъ, а, напротивъ, должны употребить всяческія старанія, чтобы исправить его историческіе пути, спасти его племенную независимость и примирить его съ собой. Туда именно, гдѣ народъ славянскій начинаетъ терять свои національныя особенности, мириться съ условіями, въ которыя поставила его судьба, словомъ, гдѣ онъ начинаетъ терять свое народное самосознаніе и претворяться въ другой языкъ и племя другое; туда прежде всего слѣдуетъ намъ спѣшить съ усиленною вещественною и нравственною помощью, и только тотъ край можетъ уже окончательно считаться потеряннымъ для Славянства, въ которомъ, какъ въ уничтоженныхъ Богомъ ветхозавѣтныхъ городахъ, не осталось уже и 5 сохранившихъ свою народность праведниковъ, гдѣ совершенно замерла славянская рѣчь и заглохло славянское преданіе. Тамъ же, гдѣ еще таится хотя малая искра потухающей славянской жизни, — нашъ прямой долгъ не дать ей погаснуть и, быть можетъ, отъ нея потухшая жизнь разгорится сильнѣе прежняго.

Стремленіе славянофильства поддержать и воскресить славянскую народность даже тамъ, гдѣ она падаетъ и вымираетъ, не нуждается въ какихъ бы то ни было оправданіяхъ, такъ какъ оно истекаетъ изъ самой природы вещей, ибо, по слову Апостола: «никто свою плоть не ненавидитъ, но питаетъ и грѣетъ ее», питаетъ и грѣетъ ее не тогда только, когда она пользуется здоровьемъ и красотой, но прилагаетъ особенную заботу о ея немощныхъ и поврежденныхъ членахъ!

По убѣжденію славянофильства, все Славянское племя есть разнообразный въ своихъ частяхъ, но тѣмъ не менѣе единый, цѣлостный народный организмъ, одно живое народное тѣло; чаянія и стремленія каждаго неложнаго славянофила направлены къ тому, чтобы это великое народное тѣло во всѣхъ своихъ членахъ было одинаково здорово и свободно; другими словами—идеалъ славяно-

фильства, это—полная и всесторонняя свобода и искреннее братство всѣхъ славянскихъ народовъ: свобода политическая, экономическая и нравственная, и братство такое, при которомъ каждый славянинъ, на всемъ широкомъ пространствѣ Славянской земли сознавалъ бы, что онъ дома, въ своей родной семьѣ, былъ свободенъ и полноправенъ.

Безбоязненно и непостыдно исповѣдывать этотъ идеалъ, постоянно имѣть его въ виду, какъ основную причину и конечную цѣль всѣхъ своихъ стремленій и дѣйствій, безостановочно искать и указывать другимъ средства и пути, ведущіе къ его осуществленію, неустанно бороться со всѣмъ, что стоитъ на дорогѣ или идетъ наперекоръ этимъ стремленіямъ и цѣлямъ: такова постоянная и неизмѣнная задача славянофильства и въ то же время—наша народная и государственная задача. Уяснять эту задачу и проводить ее во всеобщее сознаніе, звать всѣхъ и каждаго въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ на служеніе славянскому дѣлу, дѣлу всесторонняго славянскаго освобожденія,—такова обязанность Славянскихъ обществъ!

Всякій разъ, когда славянофильство, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей или Славянскихъ обществъ, съ достаточною откровенностію словомъ или дѣломъ заявляло, что оно преслѣдуетъ эту — освободительную цѣль, оно, къ изумленію многихъ, оказывалось вдругъ такою общественною силою, съ которою, кромѣ Церкви, едва ли какая-либо другая сила могла бы стать наравнѣ. А такъ какъ славянофильство и Церковь въ полномъ между собою ладу, и стремленія перваго благословляются второй, то дѣйственная сила славянофильства громадна и необорима, лишь бы оно само, въ лицѣ своихъ вождей не малодушествовало и само не опускало своего знамени.

Тайна этой силы заключается въ томъ, что славянофильство есть въ сущности не что иное, какъ выраженіе русскаго народнаго міровоззрѣнія, очищеннаго и возведеннаго до его идеаловъ, это — самосознаніе Русскаго народа. Славянофильство можетъ быть названо русскою народною партіею, но и такое опредѣленіе для него тѣсно. Славянофильство это—сама русская Россія: за нимъ стоитъ и сознательно или безсознательно готово идти все, что есть русскаго въ Россіи, и все, что есть чисто славянскаго въ остальномъ Славянствѣ. Таково наше мнѣніе о славянофильствѣ, но такъ-же смотрятъ на него и его иноплеменные враги. Оттого и трепещутъ и мечутся они при самомъ незначительномъ даже его проявленіи. И, дѣйствительно, всякій разъ, когда славянофильство, оставаясь вѣрнымъ себѣ, гово-

ритъ достойнымъ себя языкомъ—опредѣлительно и твердо, его слово становится властнымъ, потрясаетъ сердца и вызываетъ могучій откликъ въ народѣ. Въ доказательство только-что сказаннаго, достаточно припомнить, какъ всколыхали всю Россію воззванія Славянскихъ комитетовъ о помощи балканскимъ славянамъ въ 1875—1877 гг., отъѣздъ М. Г. Черняева и отправка добровольцевъ въ Сербію,—какъ высоко стали вдругъ тогда Славянскіе комитеты, какъ гремѣли рѣчи И. С. Аксакова, и, наконецъ,—какъ гораздо уже позднѣе, въ годину упадка духа и нравственнаго застоя, взволновали все Славянство, а за нимъ и весь Міръ нѣсколько словъ, брошенныя въ Петербургѣ и Парижѣ незабвеннымъ М. Д. Скобелевымъ.

Подъ развернутую и высоко поднятую въ 1876 г. славянофильскую хоругвь пришли и стали многіе изъ другой враждовавшей дотолѣ съ славянофильствомъ партіи, такъ называемыхъ западниковъ и либераловъ, и это, по нашему мнѣнію, въ высшей степени отрадное явленіе; говоря о жизненности и правотѣ славянофильства, оно наводитъ на мысль, что прискорбная въ нашемъ образованномъ обществѣ рознь, дѣленіе его по цвѣтамъ и кличкамъ обусловливается не сущностью дѣла, на которомъ и тѣ и другіе могли бы сойтись, а лишь крупнымъ недоразумѣніемъ, причина котораго лежитъ главнымъ образомъ въ обоюдныхъ недомолвкахъ, мѣшающихъ честнымъ русскимъ людямъ, стремящимся въ сущности къ одной и той-же цѣли, столковаться между собою о подробностяхъ, и—въ обусловливаемой тѣми же недомолвками неопредѣленности самихъ цвѣтовъ и кличекъ, отъ которыхъ, однако, многіе по старой памяти, не хотятъ отказаться.

Такъ, либерализмъ и славянофильство, въ истинномъ значеніи этихъ словъ, если и не тождественны, то во всякомъ случаѣ не должны быть враждебны одинъ другому: они оба стремятся къ свободѣ духа и жизни, и подлинное славянофильство не окрашено только, но насквозь пронизано самымъ яркимъ и полнымъ либерализмомъ. Поэтому въ глазахъ славянофила постыденъ только фальшивый либерализмъ, не отвѣчающій въ сущности своему названію, такъ же, какъ постыдно и малодушное фальшивое славянофильство. Такъ: либералы, кричавшіе противъ помощи славянамъ, боровшимся за свое освобожденіе, тѣмъ самымъ уже измѣняли либерализму; но точно также измѣняли славянофильству славянофилы, старавшіеся оправдать позорное для нашей дипломатіи дѣло—уступку Герцеговины и Босніи исконному врагу Славянства; или въ угоду фальшивой теоріи—рукоплескавшіе поруганію нами же даннаго основнаго закона въ Бол-

гаріи и тираніи прусскаго поручика въ этой славянской странѣ, содѣйствовавшіе авторитетомъ русскаго славянофильства разрушенію тамъ только что созданнаго русскою кровью и трудомъ оплота національной свободы, травившіе со столбцовъ своихъ изданій лучшихъ въ этой странѣ людей, отстаивавшихъ законъ и свободу своего народа и вѣрно служившихъ своему отечеству и Россіи. Поэтому лучше судить людей по дѣламъ ихъ, нежели по ихъ кличкамъ, и если люди, называвшіе себя либералами, шли въ Сербію оборонять и отвоевывать славянскую свободу и умирали тамъ за нее, то славянофильству нѣтъ причины стыдиться такихъ союзниковъ-либераловъ, а слѣдуетъ радушно зачислить ихъ въ свои ряды, и память ихъ должна быть для него одинаково свята, какъ и память другихъ защитниковъ славянскаго дѣла: ибо у всѣхъ русскихъ добровольцевъ, бросившихся въ Сербію подъ знамена Черняева, была одна общая и единственная цѣль—помочь своимъ родичамъ въ борьбѣ съ иноплеменнымъ врагомъ, отстоять или воротить ихъ былую свободу, и никакого иного идеала и цѣлей ни у добровольцевъ, ни у тѣхъ, кто отправлялъ ихъ въ Сербію, не было и быть не могло.

Жалкая наклонность нѣкоторыхъ, примыкающихъ къ славянофильству лицъ политиканствовать, вмѣсто того, чтобы говорить одну голую и прямую правду; отожествленіе ими нѣкоторыхъ неприглядныхъ сторонъ нашей дѣйствительности съ высокимъ славянофильскимъ и народнымъ идеаломъ и обусловливаемыя такимъ смѣшеніемъ усилія ихъ оборонить и поддержать многое такое, что по своей внутренней неправотѣ и несостоятельности не заслуживаетъ защиты, и по отсутствію подъ нимъ исторической и нравственной почвы, должно быть въ концѣ концовъ устранено,—вредятъ славянскому дѣлу и роняютъ славянофильство въ глазахъ его недруговъ и друзей.

Въ этомъ именно лежитъ причина того страннаго, повидимому, явленія, что Славянское общество въ Петербургѣ, единственное почти у насъ общество, если не политическое, то все таки имѣющее нѣкоторое отношеніе къ политикѣ, упало въ своемъ значеніи и обезлюдѣло послѣ того, какъ въ русскихъ людяхъ отчасти его же усиліями пробуждено желаніе жить общественною и политическою жизнью.

* * *

Осуществленіе славянофильскаго идеала,—свободы и братства славянскихъ народовъ—требуетъ: 1) прежде всего укрѣпленія русскаго народнаго самосознанія и освобожденія русскихъ общественныхъ силъ отъ тяжело лежащаго на нихъ иноплеменническаго гнета; затѣмъ—2) политическаго освобожденія отъ иноплеменной власти и объединенія угнетенныхъ и разрозненныхъ славянскихъ народностей и, наконецъ, 3) духовнаго объединенія Славянскаго міра, т. е. уничтоженія въ немъ вѣроисповѣдной и нравственной розни.

Для достиженія первой цѣли, т. е. для своего собственнаго освобожденія, русскимъ людямъ прежде всего необходимо придти къ убѣжденію, что услуги чужеродцевъ, въ особенности же нѣмцевъ и нѣмецкая дрессировка и выучка непомѣрно дорого обходились и обходятся Россіи и ведутъ ее къ полному и всестороннему политическому, экономическому и нравственному банкротству. Не будь этихъ навязанныхъ Россіи дядекъ и опекуновъ, русская жизнь была бы здоровѣе и цѣльнѣе, и нашему Отечеству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и остальному Славянству жилось бы счастливѣе и дышалось вольнѣе. Русское богатство и сила расходовались бы бережнѣе и на достойныя Россіи дѣла.

Пусть всѣ эти Остерманы, Минихи и Нессельроды и добросовѣстно, по своему, несли и несутъ свою службу, но у всѣхъ у нихъ своя особая «наемническая» совѣсть, а служили и служатъ они кому угодно, только не Русской землѣ и не Русскому народу, который никогда ихъ службы не хотѣлъ и никогда имъ не вѣрилъ. Добросовѣстное живодерство *) и солдатчина Миниховъ-командировъ, старавшихся изъ прекраснаго и разумнаго Божьяго созданія—русскаго человѣка—сдѣлать уродливую, бездушную и безсловесную нѣмецкую обезьяну—машину, и «честная» дипломатическая игра Остермановъ и Нессельродовъ - политиковъ, въ которой Россія и Славянство всегда оставались въ проигрышѣ,—стоили черезъ - чуръ много напрасной русской народной крови, и поту и слезъ, чтобы можно было безъ негодованія вспоминать о нѣмецкихъ заслугахъ передъ Россіей. Исторія нашего Государства за послѣдніе два вѣка самыми кровавыми, грязными и сальными своими страницами обязана нѣмецкимъ выходцамъ, нагло распоряжавшимся судьбами нашего Отечества.

---

*) «Минихъ, живодеръ, нашихъ кишекъ не берегъ», говоритъ о Минихѣ современная ему солдатская пѣсня.

А что Россія могла и можетъ свободно обходиться безъ наемническихъ услугъ, достаточнымъ ручательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что, не смотря на господствовавшій въ ней въ послѣдніе два вѣка нѣмецкій произволъ, тѣснившій и губившій русскіе таланты и силы, земля Русская ими все таки не оскудѣвала, и постоянно являла міру: Румянцевыхъ и Суворовыхъ, Кутузовыхъ и Ермоловыхъ, Нахимовыхъ, Корниловыхъ и Скобелевыхъ *), и въ другой сферѣ—Ломоносовыхъ и Новиковыхъ, Хомяковыхъ и Пушкиныхъ, Аксаковыхъ, Самариныхъ и Милютиныхъ,—людей, одаренныхъ такимъ избыткомъ таланта и нравственной силы, что пренебреженіе ими и предпочтеніе имъ Миниховъ и Нессельродовъ, недостойныхъ развязать имъ ремень у сапога, въ глазахъ русскихъ людей могло быть объясняемо только недовѣріемъ и нерасположеніемъ властныхъ нашихъ сферъ къ русской народной стихіи.

Не чувство племенной ненависти и не мстительность въ данномъ случаѣ говорятъ въ насъ, а сознаніе громаднаго вреда и безчисленныхъ насилій и обидъ, причиненныхъ намъ, русскимъ, и остальнымъ славянамъ иноплеменниками, и желаніе вполнѣ, мы думаемъ, естественное и законное, избавиться отъ этихъ насилій и обидъ. Враги славянофильства неправильно противополагаютъ его гуманизму и космополитизму, ибо каждый истинно гуманный человѣкъ, каждый неложный космополитъ необходимо должны признавать за человѣкомъ другаго племени или цѣлымъ народомъ ихъ человѣческое и народное достоинство и ихъ національныя права, т. е. право на сохраненіе ихъ народныхъ особенностей, на независимую жизнь, на свободное и самостоятельное развитіе и дѣятельность. Только при условіи взаимнаго уваженія этихъ правъ мыслимо братство людей и народовъ. Только этого и хочетъ славянофильство: уважая національныя права другихъ, оно требуетъ отъ нихъ такого же уваженія къ себѣ. И если ни одинъ изъ западноевропейскихъ народовъ, если вообще ни одинъ уважающій себя какой бы то ни было народъ не мирится ни съ открытымъ рабствомъ, ни съ такою призрачною свободою, при которой его достояніемъ и имъ самимъ свободно распоряжались бы иноплеменники, то, по мнѣнію славянофильства, не можемъ и не должны ни съ тѣмъ, ни съ другимъ видомъ насилія мириться и мы, русскіе, и остальные славяне, но должны всѣми силами и средствами бороться съ инородческимъ у насъ господствомъ и захватами.

---

*) Теперь слѣдуетъ добавить: Черняевыхъ и Макаровыхъ...

Вредъ этого господства и этихъ захватовъ въ Россіи достаточно выяснился. Въ захватахъ иностранцами природныхъ нашихъ богатствъ, въ захватахъ самой земли, совершающихся безпрепятственно и повсемѣстно, и особенно въ заселеніи западныхъ нашихъ областей нѣмцами русскіе люди видятъ великую несправедливость въ отношеніи туземнаго народа и особенно въ отношеніи его будущихъ поколѣній, великую опасность для нашего Отечества и условіе великихъ смутъ и великой крови въ недалекомъ, быть можетъ, будущемъ. Необходимо, слѣдовательно, этимъ захватамъ немедленно и рѣшительно положить конецъ и возвратить своему народу похищенное у него достояніе—его землю, упитанную потомъ и кровью его предковъ *).

Русскимъ людямъ наскучило также господствующее положеніе инородцевъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и сферахъ и они думаютъ, что настало время для того, чтобы русское государственное и общественное управленіе и хозяйство всецѣло вѣдались русскими людьми.

Славянофильство всегда высказывалось въ этомъ направленіи, поэтому на первыхъ страницахъ «Извѣстій Славянскаго общества» пристойнѣе было помянуть добрымъ словомъ Юрія Крижанича и Ив. Посошкова, Артемія Волынскаго и Николая Новикова и, наконецъ, безвременно и загадочно павшаго М. Д. Скобелева и другихъ борцовъ съ нѣмецкимъ насиліемъ и хищничествомъ и страдальцевъ за Русскую землю и славянское дѣло, нежели перечислять имена разныхъ нѣмцевъ, заслуги которыхъ Русскому правительству очень двусмысленны, а вредъ Русскому народу несомнѣненъ.

Что касается нѣмецкой науки, то славянофильство никогда не чуждалось ея, какъ не чуждается и всякой другой науки, а, напротивъ, признавало и признаетъ необходимость пользоваться жизненнымъ опытомъ и наукою другихъ народовъ, тѣмъ не менѣе въ глазахъ славянофиловъ нѣмецкая академія наукъ въ столицѣ русскаго государства,—такое же зазорное, оскорбительное и по меньшей мѣрѣ безполезное для Россіи явленіе, какъ и нѣмецкіе въ ней главнокомандующіе и министры.

---

*) Законъ 1887 г., ограничивающій права иностранцевъ на владѣніе недвижимыми имуществами въ западномъ краѣ, горячо привѣтствовался русскими людьми. Но законъ этотъ не долженъ оставаться мертвою буквою и необходимы дальнѣйшія рѣшительныя мѣры въ этомъ направленіи.

Вторая цѣль—политическое освобожденіе и объединеніе угнетеннаго и разрозненнаго Славянства—должна быть достигнута соединенными усиліями самихъ угнетенныхъ народностей, при нравственномъ, матеріальномъ и военномъ заступничествѣ и руководствѣ Россіи. Вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ Славянскаго народа славянофильство непреложно вѣритъ, что Россія въ силахъ выполнить и выполнитъ возложенную на нее судьбой освободительную задачу. Но славянофильство вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что внѣшняя политика русскаго правительства прошлаго и текущаго столѣтій, не стояла на высотѣ этой задачи, была часто орудіемъ чужихъ враждебныхъ этой задачѣ цѣлей, не оправдывала русскія и славянскія надежды и порою тѣхъ, кто на нее довѣрчиво полагался или прибѣгалъ подъ ея защиту, выдавала головою врагамъ. Однимъ изъ самыхъ яркихъ доказательствъ неустойчивости нашей политики и малодушія нашихъ дипломатовъ служитъ Берлинскій договоръ, по которому: освобожденная русскимъ оружіемъ Болгарія, по требованію не участвовавшихъ въ войнѣ державъ, разорвана на части, Герцоговина и Боснія и православная Церковь въ этихъ земляхъ отданы, безъ борьбы, заклятому врагу Православія, Россіи и Славянства, и Сербія и Черногорія, взамѣнъ незначительныхъ земельныхъ прирѣзокъ и на словахъ независимости, поставлены на дѣлѣ въ положеніе подручныхъ Австріи княжествъ. Другимъ вѣскимъ свидѣтельствомъ неуваженія нашей дипломатіи къ самой себѣ и къ Россіи служитъ предательство ею англичанамъ несчастнаго Афганскаго Эмира Ширъ-Али.

Подобная политика не способна внушать и не вправѣ расчитывать на довѣріе и уваженіе къ себѣ, и вотъ причина, почему у Россіи между другими свободными государствами не было доселѣ *) ни одного надежнаго и вѣрнаго союзника. Объяснять это явленіе однимъ только соперничествомъ и завистью къ ея силѣ было бы не совсѣмъ правильно, потому что сила хотя и возбуждаетъ зависть, но, если она руководится разумомъ, то и притягиваетъ къ себѣ.

Пробужденіе въ русскихъ людяхъ народнаго самосознанія приведетъ къ обновленію нашей внутренней жизни и измѣнитъ въ корнѣ и характеръ нашей внѣшней политики: сдѣлаетъ ее болѣе сознательною и устойчивою. Тогда требованіе безусловной политической свободы для всѣхъ находящихся подъ чужимъ господствомъ

*) Писано въ 1883 г.

славянъ и полнаго невмѣшательства иноплеменниковъ во внутреннюю ихъ жизнь и взаимныя отношенія другъ къ другу—будетъ поставлено повелительно и твердо. Освобожденному Славянству Австрія, какъ и Турція, должны будутъ совершенно уступить свое мѣсто. Съ Германскимъ же племенемъ свободное Славянство могло бы жить въ мирѣ, но для этого Германское племя должно отказаться отъ всякой мысли владѣть славянами или славянскими землями, возвратить Славянству должное, т. е. ту землю, гдѣ еще живы славяне, словомъ признать право Славянъ на національную свободу и единство, какъ Славяне признали это право за нимъ; въ противномъ случаѣ, тысячелѣтняя съ нимъ славянская тяжба рѣшится кровавымъ Божьимъ судомъ.

Какой будетъ политическій строй освобожденнаго Славянства, насколько онъ будетъ напоминать устройство, данное Пруссіей Германству, это пока трудно предвидѣть, но, по мнѣнію славянофильства, будущее государственное устройство Славянскаго міра должно отвѣчать двумъ цѣлямъ: внутренней самостоятельности отдѣльныхъ его частей и единству ихъ дѣйствія въ отношеніи внѣшняго, неславянскаго міра. Пока каждый изъ славянскихъ народовъ и народцевъ будетъ вести свою отдѣльную политику, пока каждый изъ нихъ отъ своего только собственно лица будетъ говорить и договариваться съ иноплеменными державами,—до тѣхъ поръ перевѣса силы и успѣха не будетъ на сторонѣ Славянъ, а слѣдовательно не будетъ для нихъ истинной свободы. Разрозненная политика славянскихъ народовъ всегда будетъ удобною почвою для вражьихъ происковъ, и непріятели Славянства всегда будутъ находить средства и способы ссорить отдѣльныя славянскія государства или ихъ правительства между собою и переманивать то то, то другое изъ нихъ на свою сторону и въ свой станъ. Но въ политически объединенномъ Славянствѣ чужія козни не найдутъ себѣ мѣста, а слово, сказанное отъ лица всего Славянскаго міра, будетъ «властнымъ надъ землею закономъ». Поэтому для общей пользы славянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ради всеобщаго спокойствія и мира—необходимо, чтобы у всего освобожденнаго Славянства было только одно общее внѣшнее представительство и отъ лица всего Славянскаго міра велась одна общая международная политика. А такъ какъ вопросы международные рѣшаются въ концѣ концовъ силою, то голосъ Русскаго народа, какъ голосъ сильнѣйшаго, во Всеславянскомъ

правительствѣ, естественно будетъ преобладать. Но въ этомъ преобладаніи не можетъ быть опасности для братскихъ народовъ, ибо: осмысленныя желанія и здраво понятая польза Русскаго народа всегда и во всемъ сойдутся съ такими же желаніями и пользою остальныхъ славянскихъ народовъ и самоуправляющаяся свободная отъ иноплеменныхъ вліяній Россія никогда не будетъ угрозою внутреннему развитію остального Славянства, а будетъ лишь грозою для внѣшнихъ его враговъ. Отношенія Великаго Княжества Финляндскаго къ Россіи могутъ, намъ кажется, до нѣкоторой степени послужить образцомъ, по которому могъ бы быть въ будущемъ устроенъ Всеславянскій Союзъ. Въ державной думѣ сильнѣйшаго изъ славянскихъ государей должны будутъ находиться постоянные представители отъ всѣхъ славянскихъ странъ для обсужденія вопросовъ внѣшней политики и дѣлъ, касающихся взаимныхъ отношеній членовъ Всеславянскаго союзнаго государства другъ къ другу; въ случаяхъ же особенной важности могутъ быть общіе съѣзды славянскихъ правителей и государей и чрезвычайныя собранія выборныхъ отъ всѣхъ славянскихъ странъ.

Третья, высшая цѣль славянофильскихъ чаяній и стремленій—духовное единство славянскихъ народовъ, по мнѣнію славянофильства, не можетъ быть достигнута какими-либо искусственными мѣрами, вродѣ, напр., навязыванія всѣмъ одной вѣры, одного языка и т. п., но можетъ и непремѣнно будетъ осуществляться постепенно, по мѣрѣ и какъ естественный плодъ осуществленія двухъ первыхъ цѣлей и духовнаго возмужанія отдѣльныхъ частей Славянства.

Свободный въ развитіи и употребленіи своихъ силъ Русскій народъ явитъ міру въ области научной мысли и изящнаго творчества, такое богатство содержанія и силу таланта, что потребность въ знакомствѣ съ русскимъ искусствомъ, русскою мыслью и русскимъ языкомъ, безъ всякихъ съ нашей стороны притязаній, само собою, безконечно возрастетъ среди славянъ. Общность политическихъ задачъ и развитіе жизни и творчества другихъ славянскихъ народовъ, по мѣрѣ ихъ освобожденія и роста, будутъ вызывать и въ нашемъ обществѣ потребность ознакомленія съ ихъ языками, письменностью, искусствомъ и бытомъ. Сдѣлавшись общимъ для всѣхъ славянъ языкомъ въ политикѣ и наукѣ, во взаимныхъ торговыхъ и другихъ сношеніяхъ, русскій языкъ подвергнется постепенно переработкѣ, вберетъ въ себя другіе славянскіе языки и пре-

образится такимъ образомъ современемъ въ общеславянскій не только по употребленію, но и по самому своему составу. Однако же, развитіе каждымъ изъ славянскихъ народовъ своихъ собственныхъ бытовыхъ отличій, такъ же, какъ развитіе мѣстныхъ славянскихъ языковъ и нарѣчій и письменнаго и художественнаго творчества, если только это развитіе будетъ совершаться самобытно, а не будетъ простымъ подражаніемъ чужой, неславянской стихіи и рабскимъ заимствованіемъ чужихъ формъ, — что было бы уже не развитіемъ, а искаженіемъ своей народности,—не только не можетъ вредить нравственному и жизненному общенію и единству Славянъ, но, напротивъ: только при такой самостоятельности, взаимодѣйствіи и восполненіи славянскихъ народныхъ силъ однѣхъ другими—расцвѣтетъ современемъ роскошнымъ цвѣтомъ и дастъ обильный плодъ всеславянская культура и выработается общій литературный славянскій языкъ, соотвѣтствующіе полнотою содержанія и красотою и пышностью образовъ, богатствудуха и избытку творческихъ силъ, которые таитъ въ себѣ Славянское племя. Естественно ожидать, что въ основаніе будущей Всеславянской образованности и Всеславянскаго языка лягутъ русская жизнь и русскій языкъ, какъ жизнь и языкъ народа, сильнѣйшаго въ Славянствѣ числомъ и духомъ, и что, слѣдовательно, Всеславянскіе языкъ и образованность будутъ запечатлѣны преимущественно русскимъ народнымъ духомъ; но если этому ожиданію суждено сбыться, то это совершится само собой,— внутреннею силою вещей, а не внѣшнимъ насиліемъ.

Церковное единство Славянскаго міра—высшая ступень духовнаго его объединенія—есть трудно осуществимый, но при всемъ томъ самый завѣтный и святой изъ идеаловъ славянофильства, ибо: для каждаго искренняго брата не безразлично— во что вѣритъ, куда идетъ, что считаетъ истиною его братъ. Церковное объединеніе Славянства для русскаго человѣка мыслимо не иначе, какъ въ лонѣ святой Православной Церкви, такъ какъ только ее одну онъ считаетъ истинною Церковью. Поэтому: церковное объединеніе Славянъ могло бы совершиться или въ случаѣ возсоединенія христіанскихъ Церквей Западной и Восточной, на что пока не является надежды, или—отдѣльнымъ присоединеніемъ къ Православію иновѣрныхъ славянскихъ народовъ, что представляется болѣе вѣроятнымъ и чему отдѣльныя лица изъ западныхъ славянъ не разъ уже подавали добрый примѣръ. Но возсоединеніе Славянъ съ нами въ одной Церкви должно совершиться въ духѣ истины и любви, по внутреннему ихъ влеченію, при полной свободѣ совѣсти, безъ всякаго ей насилія и уловокъ, ибо призрачнаго православія не нужно, а

истинное можетъ распространяться только путемъ убѣжденія словомъ и примѣромъ жизни христіанской. Поэтому, кромѣ церковнаго учительства—проповѣди, единственное средство съ нашей стороны воздѣйствовать на иновѣрныхъ братій нашихъ для полнаго примиренія ихъ съ собою—это являть имъ съ нашей стороны примѣръ такой жизни, которая отвѣчала бы высотѣ христіанской Истины, сохранившейся во всей чистотѣ въ ученіи Православной Церкви, и явить на нихъ самихъ нашу братскую любовь въ той искренности и силѣ, въ какой это требуется православнымъ Христіанствомъ.

Православный Русскій Народъ, какъ и остальное Православное Славянство принесли уже въ прошломъ безчисленныя жертвы въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ за дѣло своего и братскаго освобожденія; но предстоящая рѣшительная борьба за всеславянскую свободу потребуетъ отъ Славянства, быть можетъ, не менѣе жертвъ, и Православное Славянство дастъ не скупясь эти жертвы и дастъ, быть можетъ, большую ихъ часть именно, ради того, чтобы спасти отъ конечной гибели и воскресить къ самостоятельной жизни уцѣлѣвшіе еще остатки Западнаго неправославнаго Славянства. Дѣла христіанскаго милосердія и великія жертвы братской любви обратятъ къ намъ сердца и совѣсть нашихъ иновѣрныхъ братій, а разъ сердце ихъ будетъ къ намъ обращено,—простая историческая справка убѣдитъ ихъ умъ въ правотѣ нашего исповѣданія, и тогда все Славянство единымъ сердцемъ и едиными устами прославитъ Всесвятую Троицу. Аминь.

21 октября 1883 г.

Напечатано: въ «Благовѣстѣ» 1890 г. вып. 1—5 и, въ сербско-хорватскомъ переводѣ Victor'a,—въ газ. «Славянская мысль» (Slavenska Misao), издающейся въ Трстѣ (Тріестѣ) 1904 г. №№ 25—29. Кромѣ того, глава II напечатана въ изданномъ С. Ѳ. Шараповымъ сборникѣ: «Теорія государства у славянофиловъ СПб. 1898 г.»

Порабощеннымъ Славянамъ.

Мужайтесь, братья, въ дни невзгоды
И ждите съ вѣрою живой,
Что солнце правды и свободы
Взойдетъ надъ вашей головой!

* * *

Пока гнететъ, какъ смрадъ ненастья,
Славянства грудь пришельцевъ власть, —
Нѣтъ выше славянину счастья,
Какъ — въ спорѣ съ ними — грозно пасть.

* * *

Холопы нѣмцевъ, слуги злата,
Въ земляхъ славянскихъ правятъ пиръ;
Но царству лести и разврата
Идетъ на смѣну новый міръ!

* * *

Нахальной власти иноземцевъ
Въ Славянствѣ близится конецъ:
Орду неистовую нѣмцевъ
Сломитъ поможетъ намъ Творецъ.

* * *

Онъ зритъ, Благой, нашъ плѣнъ и муки...
Да расточитъ Онъ царство тьмы!
Да укрѣпитъ нашъ духъ и руки,
Да вражью цѣпь расторгнемъ мы!

* * *

Нашъ красный Галичъ и Карпаты
Да внидутъ вновь подъ отчій кровъ!
Да міръ Славянскій, въ цѣломъ взятый,
Живетъ безъ розни и оковъ!

* * *

Мужайтесь, братья, въ дни невзгоды!
За насъ Господь Земли родной.
Какъ воскъ, растопитъ огнь свободы
Ярмо неволи вѣковой!

Напечатано въ сборникѣ «Послѣднія 10 лѣтъ перваго двадцатипятилѣтія существованія СПб. Славянскаго Благотворительнаго Общества по протоколамъ общихъ собраній его членовъ, состоявшихся въ 1883—1893 гг.». Общ. Собр. 12 мая 1891 г., а также въ «Свѣтѣ» и въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ».

БИБЛИОТЕКА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ

политическую, общественную и литературную газету

„СЛОВО“

Выходитъ безъ предварительной цензуры.

Основою дѣятельности нашей газеты является служеніе прогрессу родной земли на почвѣ **историческихъ и бытовыхъ русскихъ началъ**, согласованныхъ съ потребностями нашего времени и въ духѣ полной терпимости къ вѣрованіямъ, языку и бытовымъ особенностямъ каждой народности.

Не поступаясь устойчивостью принятаго направленія, свободная въ своихъ сужденіяхъ отъ какихъ бы то ни было посторонних вліяній, редакція «Слова» охотно даетъ въ газетѣ мѣсто искреннимъ, независимымъ голосамъ людей практики и опыта, сторонниковъ свѣта и гласности, къ какой бы общественной группѣ они ни принадлежали.

Особенное вниманіе обращено будетъ на дѣла и нужды провинціи, гдѣ ростъ общественности и государственнаго пониманія составляетъ такое замѣтное явленіе въ наши дни. Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ газетѣ получатъ тщательную разработку вопросы самоуправленія, выдвинутые въ настоящее время жизнью на первую очередь.

Въ области экономической политики редакція придаетъ первостепенное значеніе развитію производительныхъ силъ страны на почвѣ возможнаго простора личной энергіи и хозяйственной самодѣятельности населенія.

Видное мѣсто отведено будетъ вопросамъ внѣшней политики, сбзору и оцѣнкѣ великихъ міровыхъ событій на берегахъ Тихаго океана, съ точки зрѣнія національныхъ русскихъ интересовъ и въ связи съ историческими задачами Россіи на Ближнемъ Востокѣ и положеніемъ внутри страны.

На театрѣ военныхъ дѣйствій и во всѣхъ крупныхъ политическахъ центрахъ Европы имѣются собственные корреспонденты «Слова».

Ближ. участіе въ разл. отдѣлахъ газеты примутъ между прочимъ слѣдующія лица:

1. **Политика, военное и морское дѣло**: А. Бѣломоръ, И. Я. Вацликъ, В. Г. Генкенъ, *И. С. Дурново*, Кленовъ, А. М. Ловягинъ, В. Ф. Новицкій.

2. **Финанс., экономич. и научн. отдѣлы**: проф. В. И. Адамовичъ, В. Д. Ѣловъ, акад. *А. Н. Веселовскій*, проф. А. И. Введенскій, проф. А. И. Воейковъ, пр.-доц. Э. А. Вольтеръ, пр.-доц. А. Г. Генкель, проф. М. Н. Герсевановъ, К. Ѳ. Головинъ, А. Н. Гурьевъ, проф. А. И. Загоровскій, проф. Загоскинъ, проф. П. И. Казанскій, проф. П. И. Ковалевскій, Я. Н. Колубовскій, проф. В. Н. Латкинъ, проф. В. М. Лебедевъ, проф. П. П. Мигулинъ, проф. А. И. Озеровъ, проф. А. Л. Погодинъ, Г. П. Сазоновъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, акад. *А. И. Соболевскій*, акад. И. И. Янжулъ.

3. **Публицистика и критика**: *Н. П. Аксаковъ*, А. М. Бенау, В. В. Бирюковичъ, проф. А. К. Бороздинъ, С. Ф. Бѣльскій, Ф. Н. Бѣлявскій, И. А. Гофштеттеръ, С. К. Глинка, доц. *В. М. Грибовскій*, А. Н. Крандіевскій, П. Н. Красновъ, С. Н. Кривенко, Н. Н. Лендеръ (Путникъ), П. П. Перцовъ, В. В. Розановъ, *И. Ф. Романовъ*, В. Г. Тардовъ, Е. Е. Янжулъ.

4. **Беллетристика**: Л. А. Авилова, М. Н. Альбовъ, К. С. Баранцевичъ, А. А. Бахтіаровъ, П. В. Быковъ, С. И. Васюковъ, З. Н. Гиппіусъ, И. А Гриневская, А. Г. Заричъ, А. Е. Крандіевская, А. В. Кругловъ, А. А. Коринфскій, В. А. Мазуркевичъ, Д. С. Мережковскій, Н. И. Поздняковъ, Л. Х. Симонова, А. И. Фаресовъ, Ф. А. Червинскій, Юрьинъ (Н. Н. Вентцель).

Газета «Слово» будетъ выходить (съ 1-го декабря) нумерами въ 8 и болѣе страницъ текста, съ иллюстраціями. **Цѣна** на годъ съ перес. и дост. 12 р., на 6 м. 6 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р., съ 20 ноября и до конца 1904 г. 1. р. 35 к., за границу на годъ 20 руб.

Допускается также подписка на газету безъ приложеній (4 страницы текста по 6 столбцовъ) цѣна на годъ 5 р., на 6 мѣс. 3 руб., на 2 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 50 коп. Это дешевое (2-е) изданіе имѣетъ свой задачей итти на встрѣчу назрѣвшей среди интеллигентной провинціальной публики потребности въ доступномъ по цѣнѣ, но вполнѣ серьезномъ руководящемъ органѣ общественной мысли.

Годовые подписчики на 1905 г. получатъ газету за конецъ 1904 г. безплатно со дня полученія отъ нихъ требованій. Лица, желающія ознакомиться съ изданіемъ, благоволятъ присылать свои адреса, по коимъ и будетъ имъ выслано безплатно нѣсколько №№.

Объявленія принимаются въ конторѣ редакціи—передъ текстомъ по 60 к. за строку петита, позади текста по 20 коп. за строку петита.

Редакція открыта для личныхъ объясненій ежедневно отъ 4 до 6 ч. Контора открыта для пріема подписки и объявленій ежедневно отъ 10 до 5 ч. (по праздникамъ отъ 1 до 3 ч.).

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 92.

Редакторъ-издатель ***И. В. Скворцовъ.*** Издатель ***Н. Н. Перцовъ.***

Въ печатнѣ М. П. С. (И. Н. Кушнеревъ съ тов-щи) Фонтанка, 117

печатается и скоро поступитъ въ продажу новая книга:

МІРУ-НАРОДУ

мой отчетъ за прожитое время. Сборникъ статей, докладовъ, рѣчей, стиховъ и замѣтокъ

по вопросамъ христіанской нравственности, права и государственнаго хозяйства.

Аѳ. В. Васильева.

Около 40 печ. лист. ц. 3 р. Выписывать можно изъ книжнаго склада печатни М. П. С. (И. Н. Кушнеревъ съ тов.) Фонтанка, 117.

Въ томъ же складѣ, а также у всѣхъ книготорговцевъ имѣются въ продажѣ слѣдующія отдѣльныя сочиненія Аѳ. В. ВАСИЛЬЕВА, выходящія въ свѣтъ подъ общимъ заголовкомъ РУССКОЕ МІРОСОЗЕРЦАНІЕ:

---

1. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Къ столѣтію со дня его рожденія 1804, 1 мая, 1904. Съ изображеніемъ А. С. Хомякова . . . . . ц. 40 к.
2. Объ исконныхъ творческихъ началахъ и бытовыхъ особенностяхъ Русскаго Народа. Изд. 2-е . . . „ 20 „
3. Задачи и стремленія Славянофильства . . . . „ 50 „
4. О преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I. Изд. 2-е . . . . . „ 50 „
5. Памяти Т. И. Филиппова . . . . . „ 30 „
6. Среди страданій народныхъ . . . . . „ 50 „

Довв. ценз. Спб., 30 іюля 1904 г.

Печатня М. П. С. (И. Н. Кушнерева съ тов-щи), Фонтанка, 117.